

ОТЗЫВ ПАТРИАРХА НИКОНА об Уложении царя Алексея Михайловича

*Новые материалы для истории законодательства в России
с замечаниями Вукола Ундольского*

Часть I. Предисловие В. М. Ундольского.

Законодательные памятники каждого народа любопытны в разных отношениях, не для одного юриста, но и для историка, наблюдателя за судьбою, минувшего. Юрист следит за постепенным ходом законодательства, вникает в разные его перемены и, переходя через целые столетия к современному юридическому быту, видит: что из прежнего оставлено и давно предано забвению, что еще живет полною жизнью и, наконец, на многие юридические запросы, почему в современном законодательстве то или другое сложилось именно так, а не иначе, он может найти ответ исключительно в прежних актах юридических. Всё это — так ясно и непреложно, что нет надобности приводить ни примеров, ни доказательств. Вот народы, древние и новые, сообразно своему гражданскому развитию имеют более или менее юридических памятников. Разные политические и другие обстоятельства обуславливали утрату или сохранение их.

Посему нельзя утверждать, что в настоящее время мы имеем все законодательные памятники Греции и Рима, какие имела каждая эпоха в свое время. То же должно сказать и о нашем отечестве. Сколько погибло разных, в том числе и юридических, письменных памятников во время войн, междоусобий, в погром татарский?! Сколько утрачено их в пожары, заметками о которых так обильны наши летописи. Есть намеки, что Киприан митрополит, этот великий восстановитель угасавшего просвещения на Руси, переводил Кормчую, но где она теперь находится? Но что говорить о Кормчей Киприановской, о временах отдаленных, вспомним о другом истинно русском и истинно великом нашем Московском архипастыре, я разумею Всероссийского Митрополита Макария. Как бы предвидя утрату многих письменных памятников, он собирает и, не щадя злата и серебра, переписывает в свои

Великие Четии-Минеи все книги, яже в Русской земле обретаются¹.

Известен его подвиг во время Московского пожара 21 июня 1547 г., когда все кремлевские здания и даже храмы Божии объяло пламенем. Что же делает первосвятитель святой Руси? Спасает, конечно, казну государя малолетнего, его царские сокровища; или сохраняет от всепогубляющего пламени утварь, иконы (как сам икопописатель) и вообще святыню дома Успения Богоматери? Вероятно, он распорядился о том и другом. Но тогда, как всё было в огне, и в самый храм соборный почти не было возможности войти, он с самопожертвованием проникает туда, и обгорелый отовсюду спасает не сосуды и кресты златокованные, не ризы жемчугами и драгими каменьями унизанные: он нес на себе Пречистую Петрова Чудотворца письма, а протопоп Гурий нес за ним «Правила», т. е. Софийскую пергаменную Кормчую 1280-х годов, привезенную им в 1542 году из Новагорода. По пламя свирепствовало, выйти из Кремля обыкновенным путем не было никакой возможности. И неустрашимого Святителя вместе с бесценным *Номоканоном* спускают вниз по горе в Тайницкие ворота². Не будь такой решимости, мы, пожалуй, лишились бы древнейшей нашей Кормчей, в которой незабвенный историограф наш Н. М. Карамзин открыл Ярославову правду и другие юридические и исторические и казуистические статьи, напечатанные впоследствии по сему списку Московским историческим обществом в 1-й части «Русских достопамятностей», — и на иждивении графа Н. П. Румянцева — К. Ф. Калайдовичем в «Памятниках Российской словесности», XII века. Сколько погибло наших древних памятников в бурное царствование Грозного и особенно во время опричнины!? Сохранивший эту драгоценность Митрополит Макарий сам первый поспешил ею воспользоваться: он составил *Сводную Кормчую*¹ — опыт (на первый раз весьма удачный) Русского Номоканона, в котором к греческим Соборным правилам присовокуплены постановления Русской Церкви.

Последующее за тем время, особенно безгосударное, еще менее было счастливо для Руси и ее письменных историко-юридических памятников, когда не только государственные акты (как, например, Статейные списки), были растеряны или увезены в Польшу, а что всего хуже — погибли безвозвратно для науки и администрации. Пожар в Москве и Московском Кремле 1626 года более, чем самозванщина, испепелил пашу письменность⁴. Всем

этим еще не кончились несчастья и утраты: наш великий преобразователь в 1718 году оплакивал утрату Киевского книгохранилища. Его сотрудника и, можно сказать, выученика В. Н. Татищева знаменитая библиотека Грибановская тоже сделалась жертвою пламени⁵.

Текущее XIX столетие тоже не обошлось без утрат, невознаградимых для русской письменности и просвещения. В достопамятный 1812 год погибли в Москве библиотеки Бутурлина, гр. Мусина-Пушкина, вместе с единственною рукописью «Слово о полку Игореве» (собрания Калайдовича, историографа Карамзина и Исторического Общества) вместе с пергаменною Троицкою летописью. В эту несчастную годину и самый подлинник Уложения царя Алексея Михайловича, выброшенный с прочими архивными документами, перешел в частные руки, значит весьма недалек был от совершенной утраты.

Как в историческом отношении XVII век весьма интересен для наблюдателя, так и в юридическом, потому что в 1649 году напечатано Уложение царя Алексея Михайловича, бесспорно занимающее первое место между всеми юридическими памятниками.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что другие памятники нашей администрации, начиная с Ярославовой Правды, лишены были интереса как памятники права не действующего. Напротив, они весьма любопытны столько же для юриста, сколько и для историка.

Давно прошло время считать историю голым перечнем фактов, рассказом о войнах, необыкновенных событиях, дивных небесных явлениях, номенклатурою царей, князей, патриархов, военачальников и т. д. Ныне требуют от историка (и весьма справедливо) живой и подробной картины развития народного быта, государственного и домашнего, его верований, общежития. Что же больше представляет данных для этого: законы и разнородные юридические акты или голый, почти всегда сухой рассказ летописца-инока, которому чужды все житейские интересы по самому его званию и обету и которому по самому его месту невозможно знать подробностей того или другого события, и значит представить его в истинном свете.

Между тем, таковы хроники не только наши, по и образчики Русских — Византийские. Не лучше их и большая часть западных. Наш первый Летописатель преподобный Нестор заимствовал

манеру своей «Повести временных лет» у византийца Георгия Амартола — саном архимандрита⁶, последующие русские летописатели приняли за образец Нестора, не отделив даже своего писания от Несторова, чем наделали множество хлопот позднейшим исследователям.

Писатели времен последующих держались того же образца; XVII век не представляет исключения. Ни в Летописях, ни в Хронографах сего времени не встретите вы живого и подробного рассказа о русском общежитии, мнениях и поверьях; скорее встретите их в отдельных сказаниях о русских подвижниках, святых иконах, крестах, об основании обителей и тому подобных повествованиях. Многоречивые исторические сказания о Мамаевом побоище, Казанском взятии, об осаде Сергиева монастыря поляками, Пскова — Баторием богаты красноречием и изысканною витиеватостью слога, но бедны фактами об истории народного быта. Участвовавший в составлении Уложения дьяк Федор Грибоедов тоже написал (около 1670 года) Историю о царях Российских в 41 главе; но и она не составляет исключения⁷. Между тем подобно Степенной книге она была составлена по распоряжению правительства. Сочинитель был разрядным дьяком, (текст далее зачеркнут).

Не таковы юридические памятники. В них ясно изображается внутренняя жизнь народа. Почему и самая история народа, без изучения памятников законодательства, не будет иметь ни полноты, ни ясности. Из всех русских законодательных памятников «Уложение царя Алексея Михайловича» по справедливости может и должно быть названо краеугольным камнем и первейшим источником отечественного права. Но достигло ли оно своей цели, и по крайней мере: так ли думали об этом памятнике современники, близкие к кормилу русского правления? Как судит о нем беспристрастное потомство? Надобно думать, что так. Уложение, несмотря на свою видимую суровость (соответствовавшую понятиям и нуждам тогдашнего общества), соединяло всё, что прежде рассеяно было по разным частям, в Кормчей, Судебнике, Соборных постановлениях, Судных грамотах и тому подобных актах; и кроме того в нем были некоторые новые предметы действующего законодательства. Одни из этих предметов, находящихся в Уложении царя Алексея Михайловича, подвергся строгому суждению Патриарха Никона — избранного в сен сан по особой любви царской и уважению к его

заслугам.

Значит, этот отзыв, каков бы он ни был, стоит полного внимания каждого, уже по одной великой личности Патриарха Никона.

Из всех десяти всероссийских патриархов от Иова до Адриана едва ли кто пользовался таким расположением царя, как Патриарх Никон. Рожденный в низкой доле Никита⁸, в мае 1605 года около Нижнего Новгорода в деревне Вельдеманове, вскоре лишился матери. В юных летах жил он в Макарьевском Желтоводском монастыре, но по смерти родителя вступил в брак, вскоре — причетник и священник сельский, наконец — московский. Через 10 лет супружества — снова монах Анзерского скита. Основатель обители преподобный Елеазар сам постриг его, после в сане игумена Кожеозерской пустыни.

В 1646 г., бывши в Москве, сделался известным царю Алексею Михайловичу, почему и оставлен был архимандритом Ново-Спасского монастыря. Царь поручает ему принимать челобитные и по докладу его решает милостиво. В 1648 году он уже митрополит Новгородский, ему поручен надзор и за гражданскими делами. Государь с ним в частой переписке. В 1650 году Никон укрощает мятеж в Новгороде. В 1652 году 25 июля возведен на Патриаршество. В 1653 и 1654 годах он охраняет царское семейство во время моровой язвы⁹. Это не осталось без царской признательности: «как великий государь (Алексей Михайлович) пришел из-под Смоленска, в Вязьму, а мы (говорит Патриарх Никон) пришли с государынею царицею и с государем царевичем и с государынями царевнами в Вязьму же, и он, великий государь, со многим молением говорил нам о сем, чтобы писаться *великим государем*, а нашего изволения на то не было»¹⁰. Такова была близость и согласие царя с Патриархом, — он был даже восприемником царских детей. По отстройке первой церкви в Воскресенском монастыре сам царь был на освящении ее. Так об этом рассказывает сам Никон: «На освящении первыя церкви Воскресения Христова изволися великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великий и Малыя и Белья России самодержцу, со всем синклитом быти. Изволися же ему, великому государю, именем звати Новый Иерусалим, и в своих царских грамотах написать своей рукой на утверждение, еже и ныне таковая грамота ево государева держится в честне месте...»

(Возражения, л. 86 об.). При сем случае царь пожаловал в новопостроенный монастырь вотчины Коломенской Епископии: «И после того, государь пожаловал в свое государево богомолье в Воскресенский монастырь будучи на освящении церковном глаголя: святая святым достойна»¹¹. Это происходило в 1657 году и было едва ли не последним знаком царской милости к Никону Патриарху. Частые ли отлучки из столицы для наблюдения за постройками в Новом Иерусалиме, или козни врагов были причиною царского охлаждения к Патриарху, так что в 1658 году оно дошло до совершенного разрыва (Приложение II, с. 104—118). Патриарх из Успенского собора удалился на подворье, и через трое суток, оставив Москву, переселился в Воскресенский монастырь¹². В 1660 году созванный Духовный Собор¹³ отказался, без сношения с восточными патриархами, судить Никона и избрать на его место другого патриарха¹⁴. Патриаршими делами заведовал Крутицкий Митрополит Питирим¹⁵.

К этому-то времени относится «Отзыв Патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича». Тогда прибыл в Москву известный по своей учености и искательности (без всякого сомнения крипто-католик) Паисий Лигарид, бывший митрополит Газский. Всегда искавший не правды, а личных выгод Лигарид прямо пристал к партии врагов Никона и был одним из самых злейших его преследователей¹⁶. От имени боярина Симеона Лукьяновича Стрешнева Паисий задал себе тридцать вопросов и сам же на них составил ответы¹⁷. Все сии вопросы с первого до последнего клонятся к обвинению Патриарха Никона. Очевидно, как сильно подействовали эти вопросы и ответы па пылкий и рьяный характер Никона. Вероятно, полагая, что сии вопросы с ответами будут одним из главных орудий к его осуждению, в полном сознании своей правоты Никон написал огромную книгу (945 листов, в 4-ку), назвав ее: «Возражение, или разорение смиренного Никона, Божиею милостью Патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисьевы»¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Великия Четии-Минеи — этот истинно монументальный труд окончен им в течение 12-ти лет и пожертвован в 1552 г. московскому

Успенскому собору, откуда в 1856 году поступил в Синодальную библиотеку. Спустя год по составлении эти Минеи переписаны были для царя Иоанна Васильевича Грозного. Оглавление их напечатано мною в «Чтениях Исторического общества», 1847, № 4.

² См. Летописи под сим годом и Карамзина «История Государства Российского», изд. 2, т. VIII, с. 197 и прим. 173.

³ Несмотря на обстоятельное известие о сем замечательнейшем юридическом памятнике, сообщенное нашим известным филологом А. Х. Востоковым (в обозрении Кормчей Розенкампа), он стоит нового, более подробного, исследования уже и потому, что описание сделано по новой, весьма неисправной копии антиквария-собирателя Лаптева, тогда как пишущий эти строки в своем (более, чем тысячном) собрании Славяно-русских рукописей имеет экземпляр подлинный самого составителя Сводной Кормчей митрополита Макария (№ 27).

⁴ См. Роспись (к стр. 5-й) Родословным и Разрядным книгам, вынесенным в большой пожар 1626 г., напечатано во 2-м томе «Исторического сборника», М., 1838, 8, стр. XVI-XXII.

⁵ «История Российская» Татищева, кн. V, М., 1848, предисловие О. М. Бодянского.

⁶ Хроника Амартола доселе не издана ни на греческом, ни на славянском. В издании г. Муральта мы не будем иметь чистой хроники Амартоловой, согласной с древнейшим болгарским переводом. Это подробно изложено в моем исследовании о Временнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи, удостоенном Демидовской премии, которое в конце текущего года должно выйти в свет.

⁷ См. Востоков. Описание Румянцевского музея, № 83 и Описание рукописей гр. Ф. А. Толстого, отд. II, № 39. Эта история доселе остается в рукописях.

⁸ Житие Святейшего Патриарха Никона, написанное некоторым бывшим при нем клириком (Ив. Шушериным, О. П. Козодавлевым), СПб., 1784, 8.

⁹ «Не быша ли морове велиции в царствующем граде Москве и во всех градах, лютою язвою неисцелёною? Не возбиа ли сердце царёво, егда мору бывшу, царице ж на Москве с царевичем Алексеем и с царевнами, и не веде что сотворити, и камо бежати? Не бысть ли князя в пагубу, якоже князь Михайло Пронской с товарищи в море на Москве умре. И от всенародного множества не ослабё ли всяка рука, якоже с князь Алексием Трубецким товарищи два, князь Семены Пожаркии и Львов и прочие. И елико со инеми воеводы, с Васильем Шереметевым, и с князь Иваном Хованским? Коликия тмы скончашася мором по градом и по селом, и по деревням, и на войне? Не убояше ли ся всяка душа человека? Не смятоша ли ся послы от царя посылаемы до Москвы в мор, и от Москвы до царя? Не прияша ли болезни, яко жена рождающая? Не поболеша ли друг о друге?»

¹⁰ «Глаголеши, совопросниче неправедне, яко нарекся Никон великим государем, что его так называл всегда счастливейшой наш государь, хотячи

его паче звычею почитать. Согрешил ли Никон, что так высочайшее титло на себя принял?.. Как великий государь пришел из-под Смоленска в Вязьму, а мы пришли з государынею царицею и с государем царевичем, и с государынями царевнами в Вязьму же, — и он, великий государь, со многим молением, говорил нам о сем, чтоб писаться великим государем; а нашего изволения на то не было. А что он о своем изволении раскаялся, и всем порицает нас тем, яко мы тако начали писати, — Господь рассудит нас в День Судный, по его рукописанным грамотам...».

¹¹ «Вы глаголете, яко аз *разорил Коломенскую епископию*. Еже бо аще кто разорит, или запустошит, еже иныя не укажет, а еже вместо единыя другую укажет, несть разорение, но строение. Ибо епископия Коломенская прилежит Патриарши области поблизу суши. Земля же Вяцкая и велико-Пермская отстоит болши полуторых тысяч верст, и есть место не малое и людей множество. К ним же прилежит страны язык не мало, и есть тамо не мало остаток языческих обычаев; нецыи же глаголют и идолопоклоннических останков останцы есть. И сего ради по совету с великим государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем таковое дело сделано; а не для Воскресенского монастыря. Еще в то время и початку Воскресенского монастыря не было. Но елико мерилася Коломенская епископия доходы церковными, толико и дано по выписке из Патриаршей епархии. Такожде, елико число крестьянских дворов было во епископии, толико по государеву указу, а там дано, по выписке; *а Коломенския епископии взяты на государя*. И после того государь *пожаловал* в свое государево богомолье в Воскресенский монастырь, будучи на освящении церковном, глаголя: святая святым достойна, а не аз взял, или разорил... Аще единого мя укоряют, в приказе Посольских дел свидетельствует отпуск, яко царского величества волею содеяно и епископов советом... и Коломенский епископ, преступая отеческие правила, в указанную ему церковь не идет, и скитается беззаконно, его же Священные правила извергают... В Соборном определении 1667 года сказано: «А Коломенской Епископии отчинам быти в Коломенской Епископии». См. Полное Собрание Законов, т. 1, № 412, с. 713.

¹² Такой неожиданный отъезд подал повод к толкам и недоразумениям. Иные сочли это совершенным отречением от Патриаршества. Не так думал оскорбленный Никон: «Ты глаголеши, Симеоне, яко аз не учинил *отречения* своим за рукою, толко изо уст рек: что не хочу впредь быти Патриархом; полно ли на том, или надобно, чтоб на писме дал отречение? Сам ли ты был и слышал наше отречение; или иние тебе сказывали? Аще сам ты не был, почто нудишия не своих сиведети? Аз же тебе возвещу... Егда же он, великий государь, изменил ся от своего обещания, а на нас гнев положил неправедно, якоже весть Господь, и мы, помня свое обещание о хранении заповедей Божиих, како обещалися на избрании поставления Патриаршеского с подписанием, и июля в 10 день вшед во святую великую церковь... и совершив святую Божественную литургию и засвидетельствовав пред Богом... о напрасном государеве гневе и сотворив по заповеди Господни:

отрясши прах ног ваших, пребываю в пущыни. И кто ми зазирает о сем, яко сотворил чрез волю Божию, а не по правде? И кое отречение се? Хотите ли возвещу вам, яко и писание писах к царскому величеству и посылал со диаконом нашим Иовом, в нем же обреталось тогда написанное» — «Се вижу на мне гнев твой умножен без правды, и того ради, и Соборов святых отец во святых Церквах лишаеши. Аз же пришлец есмь на земли. И се ныне, поминая заповедь Божию, дая место гневу, отхожу от места и града сего. И ты имаши ответ пред Господем Богом о всем дати». И рассмотрив государь писаное, паки возврати ко мне, зане не бысть ему на ползу. Да которое и отречение... (л. 30 об.)... и глаголеши, присовокупляя свои прикладные ответы, кроме вопросу, будто аз говорил: «не достоин я быть и впредь на Патриархах». От кого ты се навывк злосмысленне, яко *ни в вопросе се есть*, исповеждь ми...» И Никон, по триех днех, с воскресенского подворья сшол в Воскресенский монастырь. И царь государь, и до сего времени, непрестанно гнев свой держит на Никона, неведомо за что, и всяким ложным оглагольником веру имет. И многих добрых людей разослал: священников и дьяконов, и монахов, и мирских, чрез Божественныя заповеди...

«И по едином лете приезжал я к Москве и государь царь свои оча дал видети, и в седении ничем пред прежним не отменил, зная мою неповинность пред ним, государем. И после велел было в *Колязин монастырь* сослать, только я не поехал, и паки отъидохом во своя».

¹³ «Но сия вся презрев, якоже прежде Собор, чрез Божественныя правила, своим повелением собрал, ему же написание первое сице есть: В лето от создания Мира 7168, от воплощения же Господа и Спаса нашего Иисуса Христа 1660, повелением благочестивейшего великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, собирашея Преосвященнии митрополиты, и архиепископы, и епископы, архимандриты и игумены, и весь освященный Собор. Сображеся вины ради сицевыя, понеже пред сим летом предвоспомянуться 8-я тысящи в 167-е (1659 г.), случися Святейшему Никону Патриарху Московскому и всея России свой патриарший престол оставити. И в нынешнем вышеписаннем лете февраля в 6-й день предсташа весь Преосвященный Собор пред лицом великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и слышав от святых уст его великое попечение, зане Святая Соборная Церковь пастыря и жениха не имеет. Да и Преосвященный Собор о нем крепко и единодушно праведне, не имея кто ненависти и тщетныя любве, по правилем святых апостол и святых отец, рассуждают, помянуя кииждо Страшный суд и воздаяние комуждо по делом его. Они же Преосвященный Собор слыша премудрейшее его, великого государя, повеление, идоша в крестовую патриаршу палату. И на утрее февраля в 17-й день, по его великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... указу боярин Петр Михайлович Салтыков принес на Собор сказки писмяныя, и Преосвященный прияша сказки и свидетелей против сказок на Соборе допрашивали, священного чину по священству; а прочих по святой

непорочной евангельской заповеди. В сказках Преосвященного Питирима митрополита Сарского и Подонского и боярина князя Алексея Никитича Трубецкого написано: Никон патриаршества своего отречется с клятвою. А в прочих сказках во всех о отречении патриаршества его написано: отречется Патриарх Патриаршества своего, во всех согласно, и впредь на Патриаршестве обещался не быти. И Преосвященный Собор сказал слушав по знали: Святейший Патриарх Никон оставил свой патриарший престол своею волею. И в том посылали доложить великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... боярина Петра Михайловича Салтыкова... и по указу... велели выписать из правил святых апостол и святых отец. А у выписки велели быть, Преосвященным архиепископам: Маркелу, Илариону, Макарию и архимандриту Павлу и игумену Симону. И в той их выписке про патриарший отход и суд правил святых апостол и святых отец вселенских 7 Соборов не объявилось...»

«Разсмотри: колико есть написано лжи, а не истины в письме *Собора*. Бывшим нам по отшествию в Воскресенском монастыре, где и болши и ничто нам помяну государь царь что любо о Патриаршестве, ведая нашему отшествию вину. Но и на Москве нам бывшим сказано, что орда хотела на Московские места наступить и ничтоже государь царь, егда нам видевшимся с ним о сем возвести, и ни в чем отмени в пришествие наше; но якоже бывшим нам на Москве, тако же сотвори якоже обычай имел прежде на Патриаршеский чин и на седалищи оном седети нам указа, якоже вси видят бывший ту. Таже оскудевшим нам потреб телесных отъидохом в Иверской монастырь, а из Иверского в Крестной монастырь. Тогда изволи государь своим повелением собрать митрополитов и архиепископов, и епископов, архимандритов и игуменов, и призвав сказал им о нашем отшествии, якоже ему изволилось и сказку таковую прислал в Крестовую Патриаршу палату, про наше отшествие. А кто допрашивал, того не написано, а знатно что он сам, великий государь, или боярин кто любо допрашивал, и правил не написано...»

¹⁴ «Еже может ли государь наш Алексей Михайлович собрать тот Собор, или надобно по повелению Патриаршескому? Нигде есть таковое правило, еже бы царём собирати Соборы, паче же о себе, на отмщение... И в древния лета благочестивых царей Соборы были; но по *умолению, а не повелением*, якоже ныне действуется с повелением и нуждею (якоже и в 9-м вопросе явно есть), повелением, а не умолением. Глаголещи, совопросниче, яко аз Собором, что повелел Боговенчанный государь царь, что был здесь на Москве, та я ни во что почол, и назвал Собор тот сонмищем жидовским. И паки ты глаголиши о нас з жестокостию тогда человеческия что ни есть говорил Никон выговорил и слово с яростию сказано, но не надобно с плохостию распрощать... Не о Вселенских Соборех вопрошал ты, но времени сего, их же царское величество собра и одари на отмщение нашему отхождению, да глаголют, еже он, государь, восхотел... Даде же вселенский Патриарх Российскому престолу Божия Церкви власть... Своими... возводите иного на патриаршеский престол; ...а не на живого место иного

возводити, ниже без совету вселенских Патриарх... ниже тайно что любо, якоже ныне послали ко Святейшим вселенским Патриархам лазутчиков о нашем отшествии...

¹⁵ Это обстоятельство особенно раздражило Патриарха Никона до того, что он проклял Питирима: «Кого проклиная, рцы известно, сице о Питириме митрополите вопрошаете?.. Хочеши ли навькнути и о проклятии Крутицкого митрополита? Аще о нем еси вопрошен от совопросника, разсмотри 1-й наш ответ к совопроснику твоему... Якоже и Крутицкой не доволен в своей епархии собрати множество грехов на свою выю: но олюбодействова и мать свою. И ниже о сем доволен бысть. В своей погубели приложи и Константинопольскую Церковь онасиловати, и на Киевскую митрополию, на живого митрополита стол, лицемерием поставил епископа, чего мы сами, соблюдающе Божественныя правила, не смели сделати, еже и множицею от царя на то нудими были речением и писанием. Правила возбраняют без наречения места и церкви епископа и пресвитера ставити; аще ли ни, да извержется и поставивый, с поставленным. А Крутицкий митрополит поставил епископом Нежинского протопопа в литовский град Оршу, который не под царскою державою, ниже Церкви Православной есть в нем. И той епископ, не быв в том граде, в негоже поставлен, да вскоре и отпущен наместником в епархию Константинопольскаго патриарха, а не Московскую.

¹⁶ Чтоб яснее обрисовался характер Лигариды, соберем в одно место все сказанное о нем Патриархом Никоном в возражении на его ответы боярину Семену Лукьяновичу Стрешневу: ...«Ты убо о Паисею глаголеши, пиша боярину Симеону Стрешневу, яко выучени есте от Иерусалимскаго началоучителя Христа моего проповедати метину как на стречах, как в церковных местах на амбонах поставил есмь дать сей мой ответ и прочее. Повелено ти есть *в своей* области и *епархии* учити и проповедати; а не идеже придешь, *без воли* святейших вселенских *патриархов*... (л. 2). Аще бы и вина моя была какая, в погрешенных от мене; но не тебе единому суд, или ответ творити, *ниже ты видел еси, или слышал что-либо от мене*. Ты же ни о клевете уведев, ниже о клеветнике: но единому непреподобну мужу, паче и прокляту, аще и сигклитик клевету прием чрез вся святыя Божия заповеди»... (л. 14 об.).

«И ты днесь zde пишешися и именуешися Газских митрополит епископ чужой епархии. Да уже не леть есть глаголеши нам в своей епархии именоватись, еже злаго ради времени отшедшим. Почто ты в чужой пишешися и именуешися Гавриил, да где есть Газа и колико время преходя скитаешися от нас, аки змий ползая по земли изbleвая смертоносная своя беззаконная слова и уядая простейшия человеки...

«Рассуди себе: что твориши, и им же твориши? Ты ниже мене знаешь, ниже видел, или слышал еси от мене что. И судиши и ответы твориши, от единого неправедного человека прием клевету, чрез Божественныя законы, ответы твориши. Первое по правилом святым сам еси чюжд явился всякия Божественныя благодати, еже в чужой епархии много время жити, свою

оставя. Второе, за непреподобное деяние, еже чрез 4-го Собора 9-е правило, един ты митрополит осуждаеши патриарха»... (л. 150). «Обаче едино истинно о себе свидетельствуеши, что ты ни постишися, ни молишися, якоже мы слышахом от достоверных свидетелей, иже при тебе пребывающий исповещаша, что ничимже лучше есть поганина. Внегда ходити к Троице Живоначальной в Сергиев монастырь, ни постившася тебя когда видели, ни молившася: но всегда днем и ноцию ядуща и пиюща яко свиния, и ничтоже ино блага творяща»...

...«О тебе же вси сведущий глаголют, яко у папы Римского был 30 лет дьяконом, и свидетельство приносят книжицу глаголемую (в подлиннике рукописном оставлен пробел), друкованную в Риме, в нейже написано есть имя твое...

...«Неции же о нем (Лигариде) повествуют, яко несть православныя святыя Восточныя Церкви, но Западного Римского костела. У Папы был 30 лет дьяконом и в Мутьянех-де был многое время, и велми насеян Римския ереси. Много попам вдовым велел на других женах жениться, и чернцам молодым и черницам брачитися и мяса ясти. И Мутьянской (Валашской) митрополит писал ко вселенским патриархам: и они его прокляли, и платье велели с него снять. И он из Мутьяна ушел в Польшу, и в Польше многое время при короле был и по всем костелам службу отправлял. Да на негоже свидетельство привез святыя Афонския горы монастыря Костамонита архимандрит Феофан книжицу: толкование на «Величит душа моя Господа». А та книжица друкована в Риме, и в ней имя его Паисийно есть мирское имрк (в подлиннике рукописном оставлен пробел). Да и здесь же он живет, никакова чернеческого правила не держит, и к церкви не ходит на вечерню, и на заутреню и на литургию. Неции глаголют, яко и мяса ест. Федор Татьяна сам видел: как табак пьет»... «Да Патриарх Никон написал Газскому митрополиту от заповедей Божиих и святых апостол и святых отец от правил, что он неподобно делает, чрез Божественныя законы, в чюжей епархии служит, и правление церковное деет царю угодная. А по правилам святым, таковой извержен есть Святою Троицею Монъ никакова ответу не дал»...

¹⁷ Это дает заметить и сам Патриарх Никон. ...«Ты убо, Симеоне, глаголеши таковая не своими устны и языком, ведят вси знающии тя, яко ничтоже в тебе тако есть, и глаголеши: есть ли Архиереи, которые обретаются в послушании Патриаршеском имеют ли грех, что не возбранили ему Никону злаго совету, или кончее и совершенно обвинены, что не возбранили в том деле на грешныя».

«Аще Киев и под царского величества державою, ни о сем ни которое слово к Цареградскому патриарху, что царя и великого князя бывало, чтобы быти Киевской митрополии под Московским патриархом. Потом писали Киевской митрополии духовенство до Цареградского патриарха. И *Цареградский патриарх*, брат наш, святых апостол по правилу 35-му *изверг и проклял его Крутицкого митрополита и с поставльшимся от него...* Крутицкий же митрополит по какому указанию творит, которой пророк о нем писал, яко подобает ему тако творити? Есть ли праведно, или ни единому

патриарху таковое деяние тако творити, или ни? Понеже в Писании явлено есть, яко Патриарх Христов образ носит на себе, градстии же епископи по образу суть 12 апостол, селстии же по 70 апостол. А Крутицкий митрополит селсаго епископа место держит. И како может таковое действо содеяти, аще и повелено бы было, но в своей епархии» (л. 232 об.).

¹⁸ Подлинник Возражения Никонова находится в Воскресенском монастыре. Списки в Академии Наук и библиотеке В. Ундольского под № 417.

...«Ныне мнози Антихристи есть — Крутицкий митрополит и прочий подобнии ему чада неприязнена, ты и подобнии тебе. Дух лестечь Газский митрополит, и инии подобнии ему (л. 275)...

Но и отца иногда называя и пиша своею рукою, простому человеку уподобил за злобу. Никоном зовет, и ниже патриархом именует, и яко раба под оброки себе сотворил...